

НОВЫЕ ДИССЕРТАЦИИ ПО ОНОМАСТИКЕ

Saarikivi, Janne. Substrata Uralica: Studies on Finno-Ugrian Substrate in Northern Russian Dialects. – Tartu: Tartu University Press, 2006. – 297 p.

Диссертационное исследование Янне Саарикиви выполнено на кафедре финно-угорской филологии университета Хельсинки. Под одной обложкой объединены пять статей, подготовленных и изданных в течение нескольких предшествующих лет на финском, немецком, английском и русском языках и предваренных обширным предисловием. Диссертация посвящена проблемам языковой идентификации субстратной топонимии Русского Севера (прежде всего, района бассейна Двины) и опирается на обширный полевой материал – как собранный самим автором, так и хранящийся в топонимической картотеке Уральского университета. Работа использует исследовательские традиции как финляндской, так и российской школ финноугроведения и ономастики.

Все множество обсуждаемых в исследовании проблем можно условно поделить на два круга: вопросы теории языкового субстрата и этноязыковой истории Русского Севера.

В плане теории субстрата важна первая статья, опубликованная в 2000 г. в крупнейшем финляндском лингвистическом журнале «*Virittäjä*». В ней в контексте получившей широкую известность в Европе контактной теории (Thomason, Kaufman 1988) на севернорусском диалектном материале анализируется отражение субстратных явлений на разных языковых уровнях. Вопреки упомянутой теории, делающей ставку в доказательстве субстрата на фонетические и морфолого-синтаксические данные, Саарикиви приходит к убедительному выводу о том, что эти данные неспособны однозначно доказать наличие субстрата. В подтверждение приводится целый список севернорусских фонетических и морфологических явлений, которые могут объясняться, с одной стороны, как возникшие под воздействием финно-угорского субстрата, с другой – быть результатом собственного развития русского языка. Это, в частности, обсуждавшаяся в разное время проблема аканья/оканья, отмеченное в ряде архангельских говоров ослабление звонкости взрывных согласных, особые *haben*-конструкции, использование творительного предикатива, указывающего на признак, ограниченный во времени и др. (заметим, что получившийся список имеет самостоятельное значение для исследования контактов между финно-угорскими и русским языками).

Автор прав, отмечая, что российская диалектология, традиционно основывающаяся на фактах фонетики и морфологии, как правило, не верит в финно-угорские субстратные истоки севернорусских диалектных явлений и предпочитает исходить из возможностей их собственного развития. В качестве критерия возможного субстратного происхождения названных явлений Я. Саарикиви предлагает использовать наличие лексического субстрата на искомой территории. Он доказывает, что лексический материал, которым пренебрегают сторонники европейской контактной лингвистики, обладает большой доказательной силой, основывающейся на этимологической прозрачности субстратных лексем. К этому можно добавить ареальный критерий, а также большой массив бесспорных субстратных прибалтийско-финских

слов в севернорусских говорах. На базе лексического материала возможно реконструировать тот конкретный прибалтийско-финский (финно-угорский) язык, с которым контактировали русские говоры. Анализ фонетических и морфологических явлений не дает такой возможности. Следует отметить, что эти мысли созвучны в целом тем, что высказываются в российской диалектологии. Было бы полезно пойти по этому пути и дальше, имея в виду выявление критериев для разграничения субстратных явлений и заимствований в лексике и топонимии, что было бы важно как с позиций понимания этнических процессов, так и для этимологической интерпретации. Определенный опыт такого рода исследования накоплен в российской ономастике, в частности екатеринбургской школой.

В рамках теории лексического субстрата уместно отметить проблему палеоевропейского субстрата в прибалтийско-финских и саамских языках, поднимаемую в диссертации. Известно, что гипотеза применительно к прибалтийско-финскому миру была высказана еще в начале 1970-х гг. Паулем Аристе, обратившем внимание, в частности, на ряд прибалтийско-финских ландшафтных терминов, для которых не обнаруживается этимологических соответствий ни в финно-угорских, ни в индоевропейских языках, и предположившем их заимствование из древних языков, бытовавших в районе Прибалтики. Палеоевропейская теория развивается в индоевропейском языкознании, она привлекает в последнее время и внимание финских языковедов.

Для доказательства реальности палеоевропейских субстратных включений Я. Саарикиви предлагает свою методику, основанную на выявлении этимологических истоков наиболее частотных для топонимии ландшафтных терминов. Обращение к данной лексике вызвано тем, что она, по мнению автора, легко усваивается из языка в язык. Анализ 20 терминов показал, что по крайней мере половина из них не имеет этимологии, среди них *mäki* 'гора', *saari* 'остров', *niemi* 'мыс', *lampi* 'лесное озеро', *oja* 'ручей' и др. Такова же ситуация в саамском языке, где из 20 наиболее известных ландшафтных терминов лишь 6 имеют финно-угорские истоки и два-три доказанную индоевропейскую этимологию. Я. Саарикиви опирается и на известную работу Ю. Лехтиранты, в которой содержится около 200 общесаамских лексем широкого распространения, не имеющих этимологии и могущих, по мнению диссертанта, также свидетельствовать в пользу субстрата. Наличие субстрата связывается в работе с актуальной для современного финно-угроведения проблемой прибалтийско-финской хронологии. Фонетический облик целого ряда предполагаемых палеоевропейских лексем таков, что они не могли быть усвоены в глубокой финно-угорской древности, поэтому могут рассматриваться в числе доводов относительной молодости прибалтийско-финской истории. В последние десятилетия в финляндской науке преобладала другая точка зрения – так называемая *jatkuvuusteoria*, согласно которой финны являются непосредственными потомками того финно-угорского населения, которое освоило территорию Финляндии в III тыс. до н. э.

Второй круг вопросов, поднимаемых в диссертации, – это реконструкция финно-угорского прошлого территории Русского Севера (Подвинья) на основе лексического и прежде всего топонимического материала. Поскольку данная проблематика так или иначе затрагивается во всех пяти статьях, в дальнейшем в отзыве предложен общий обзор положений диссертации, без разделения на отдельные статьи. В работе отдается дань предшествующим исследованиям финно-угорского элемента в топонимии Подвинья. Отмечается, что благодаря исследованиям А. К. Матвеева наука значительно продвинулась в реконструкции исторического прошлого региона. Тем не менее в конкретной языковой идентификации дославянского населения остаются вопросы, для решения которых диссертант широко и профессионально использует приемы исторической фонетики и этимологии, привлекает ареальные и типологические критерии, а также методику ономастического исследования. Наряду с использованием известных работ в области изучения субстратной топонимии Я. Саарикиви предлагает и ряд новых методических приемов. Среди них плодотворная мысль о том, что восприятие местных ландшафтных терминов пришлым населением происходило одно-

временно, а нередко и через посредство топонимов, что имело следствием реапеллятивизацию, вычленение географического термина из состава сложного по структуре топонима. О реальности данного процесса свидетельствуют семантические сдвиги, наблюдающиеся в ряде случаев в русском диалектном слове в сравнении с его прибалтийско-финским источником. В качестве довольно убедительного примера приводится термин *пахта* 'болото, низкое сырое заболоченное место', восходящий к прибалт.-фин. *pehku* 'гнилой, трухлявый (например, о дереве, соломе), заплесневелый'. По мысли автора, появление семантики 'болото' стало возможным потому, что основа *pehku* является в прибалтийско-финской топонимии типичной для наименований болот и выступает многократно в качестве атрибута в сочетании *Pehkusuo* (*suo* 'болото'). Использование слова в гелонимах привело к восприятию его пришлым населением как имеющем значение 'болото'. По-видимому, внимание специалистов привлечет и предлагаемая автором шкала надежности этимологизации субстратных топонимов, которая опирается, с одной стороны, на степень идентичности субстратных и живых топонимных моделей, с другой – на экстралингвистические данные, в частности на ландшафтную характеристику объектов названия. Автор приводит дополнительные к известным в ономастике обоснования того, почему топонимы испытывают большие фонетические изменения, чем апеллятивы. Стоит отметить и установление тех существенных признаков, которые с точки зрения синтаксическо-семантической классификации отличают саамскую топонимию от прибалтийско-финской: распространенность многокомпонентных топонимов, а также девербальных имен, что связывается диссертантом с мобильным образом жизни саамов.

Анализируя контактирование топонимов в Подвинье и адаптацию субстратной финно-угорской топонимии к системе русских названий, Я. Саарикиви не претендует на полноту и заостряет внимание лишь на основных особенностях фонетической и морфологической адаптации, очевидно, имея в виду основательную разработку вопроса А. К. Матвеевым (2001). Вместе с тем в диссертации обнаруживается ряд важных моментов, дополняющих исследование А. К. Матвеева. Среди них замечания об адаптации геминат, о «реморфемизации», т. е. родившихся на основе аналогии морфемах, о значении народной этимологии для морфологической адаптации топонимов, причинах незначительного распространения суффиксации как способа восприятия иноязычной топонимии и др. В качестве недочета отметим нечеткость в изложении особенностей адаптации неоднозначного в этом смысле прибалтийско-финского фрикативного *h*, а также возведение русской модели *Железные Ворота* к соответствующему прибалтийско-финскому оригиналу *Rautaveräjät*. Русская модель имеет довольно широкие аналогии в славянском мире, в то время как прибалтийско-финская распространена прежде всего в карельской и вепсской топонимических системах, что теоретически может указывать на восприятие ее из русской среды.

Наряду с развитием теории ономастики и контактологии Янне Саарикиви предлагает этимологическую интерпретацию для целого ряда топооснов. Как правило, этимологии строятся на надежной историко-фонетической и семантической основе. Можно отметить убедительную интерпретацию некоторых подвинских субстратных географических терминов, до сих пор не рассматривавшихся в специальной литературе (например, *волгас* < прибалт.-фин. **alho(s)* 'низина'; *койдома* < прибалтийско-финский ландшафтный термин **kaita-mV*, ср. фин. диал. *kaita* 'перешеек между двумя реками или озерами' < саам. *skai'de* 'то же'). Автор удачно использует в процессе этимологизирования данные исторического словообразования (*мурга*, *курья*, в которых реконструированы финно-угорские суффиксы *-*ka* и *-*ja*).

Эти, а также некоторые другие примеры субстратных ландшафтных терминов свидетельствуют, что субстратный язык Подвинья, будучи близок современным прибалтийско-финским и саамским языкам, все же не соответствовал им полностью, а имел свои особенности, в частности в словообразовании. Автор прав, замечая, что вывод применим и к топоосновам – как основным элементам, так и атрибутам сложных названий, в списке которых наряду с представленными в современных языках и этимологизирующимися из них

без проблем есть и такие, которые, допуская финно-угорскую этимологию, не используются в этих языках в топонимообразовании: *Кычас* - < **kiccās* 'узкий', *Ухм* - < **ukti* 'дорога, проход', в качестве детерминантов *-сара*, *-пала*.

Отмеченные особенности, дополненные рядом других (см. далее), послужили основанием для уточнения той картины этнического прошлого региона, которая сложилась на сегодняшний день в науке. Подробный сравнительный анализ саамской топонимной лексики, представленной в топонимии Двины, приводит автора к примечательному выводу о том, что в ней присутствуют только те элементы, которые имеют прибалтийско-финские или другие уральские параллели. В то же время саамская лексика, таких параллелей лишенная и, возможно, имеющая субстратные палеоевропейские истоки (например, *narke*, *vonde*, *pakte*, *kedke*, *rove*), неизвестна архангельской и вологодской субстратной топонимии. Как показывают приводимые в работе карты, ее ареал практически не выходит на востоке за пределы восточного Обонежья. Это обстоятельство в совокупности с отмеченными выше особенностями субстратной лексики и топооснов, а также отсутствием на Двине наиболее частотных саамских топооснов (например, **kukēs* 'длинный'), равно как и характерных саамских фонетических изменений, доказывает, что о наличии саамской топонимии на Двине можно говорить лишь условно. Ее язык значительно отличался не только от современного саамского, но и от того прасаамского, который бытовал в Карелии и на западе Архангельской области (в последнем просматривается собственно саамское фонетическое развитие). Я. Саарикиви выдвигает гипотезу о бытовании в Подвинье особого языкового типа, который характеризовался как саамскими, так и прибалтийско-финскими особенностями. По мнению диссертанта, наглядным примером этого языка могут служить многие топонимы типа *Нюхчалакша*, *Шубоя*, *Шиднема*, которые принято рассматривать как саамско-«финские» полукальки. Такому генезису, как считает автор, противоречат некоторые обстоятельства, в частности присутствие в первом примере звуко сочетания *-хч-*, которое не свойственно современным прибалтийско-финским языкам, и в случае прибалтийско-финского (карельского) усвоения саамского оригинала надо было бы, скорее, ожидать в первом элементе **Нукиш-* или **Нюкиш-*. Не вдаваясь в детали, заметим все же, что в виде *Нюхч-* основа представлена и в ряде топонимов западного побережья Белого моря, а также в северном Обонежье, где саамский оригинал подвергся прибалтийско-финскому (карельскому) и русскому усвоению. В этом контексте предложенный автором фонетический критерий не выглядит слишком убедительно. В целом же подход перспективен, поскольку сделана попытка установить фонетические, лексические и типологические критерии «саамскости» и на их основе ограничить тот бескрайний ареал саамской топонимии, к которому апеллируют исследователи субстратной топонимии Русского Севера. В отличие от предшествующих исследований, ориентированных на живые финно-угорские языки, Я. Саарикиви оправданно оперирует историческими языковыми типами. Гипотеза объясняет и присутствие мощного прибалтийско-финского пласта в топонимии Русского Севера, который не обязательно связывать с современными прибалтийско-финскими языками (как правило, в работах по прибалтийско-финскому субстрату в топонимии Русского Севера фигурируют вепсский и карельский), но исходить из того, что древний язык носителей субстратной топонимии Подвинья сочетал в себе саамские и прибалтийско-финские языковые особенности, представляя собой еще не разделенный на саамский и финский языковой тип. Подтверждением этому служат, в частности, установленные диссертантом заимствования в коми и удмуртский (прапермский) – их источником был язык, который, исходя из фонетического облика заимствований, может быть охарактеризован как праприбалтийско-финско-саамский (*Pre-Finnic*).

Автор приходит к оправданному выводу о разных «финских» пластах в топонимии Двины и обращает внимание на топонимы, соотносимые по некоторым языковым признакам с южными прибалтийско-финскими языками. Среди южных особенностей – наличие дифтонга **ai* (например, топооснова *хайн-*), преобразовавшегося в других языках прибалтийско-

финской группы в *ei*, присутствие следов средних по подъему гласных, а также использование топонимических формантов *-пала* и *-вера*. Наряду с топонимами, содержащими южные праязыковые черты, автор обращает внимание и на названия, которые по некоторым особенностям (например, отражение дифтонга *ua* < **aa*, топонимы с основой *корел-*) могут быть верифицированы как карельские. В этой части исследования была бы желательна большая четкость и последовательность в идентификации пластов. В частности, есть ли возможность выявить в списке наиболее частотных топооснов и формантов те, которые имеют карельские истоки, или, к примеру, точнее определить генезис форманта *-la*? Этот же вопрос возникает в связи с анализом прибалтийско-финской антропонимии: каков ее возраст и истоки в архангельской топонимии, с каким «финским» пластом она соотносится? Попутно, чтобы не возвращаться более к сюжету об антропонимии, отметим развитие взглядов автора от тех, что были им изложены в статье «Прибалтийско-финская антропонимия в субстратных названиях Русского Севера: перспективы изучения», опубликованной в екатеринбургском сборнике «Этимологические исследования» (2003), к тем, которые представлены в комментариях к названной статье, а также в вступительном разделе диссертации. Выросло количество анализируемых личных имен, углубился их анализ. К примеру, абсолютно верно автор не связывает уже столь однозначно истоки именной основы *Kargo-* с западным для прибалтийско-финского мира апеллятивом *karhu* ‘медведь’, предпочитая возводить ее к слову *karhea*, характеризующему жесткие грубые волосы человека. Со своей стороны мы предложили бы обратить внимание на переносное значение слова *karhea*, которое используется, в частности, в восточных финских говорах для обозначения упрямого, сердитого, вспыльчивого человека. С позиций антропонимии такая семантика естественна.

Предпринятый анализ праязыковых прибалтийско-финских особенностей топонимии Двины в контексте топонимии смежных территорий, населенных сейчас или в прошлом «финским» этническим компонентом, приводит диссертанта к предположению о том, что предыстория современного прибалтийско-финского и саамского мира протекала на более восточных и южных территориях, чем считает современная финляндская наука, привязывающая ее к берегам Балтийского моря. В качестве территории, на которой протекало формирование финско-саамского языкового типа, он предлагает Белозерье и расположенные от него на запад тверские и новгородские земли, откуда происходило распространение в северо-западном и в северо-восточном направлении. Ареал прибалтийско-финской языковой общности, по мнению автора, также протягивался дальше на восток, чем принято считать. При том, что и сам процесс, и его языковая подоплека вызывают вопросы и нуждаются в уточнении, предложенный Янне Саарикиви взгляд перспективен и развивает теорию финно-угристики. Убедительны те дополнительные доводы, которые автор приводит в пользу этой гипотезы: например, проникновение (конечно, через прибалтийско-финское посредство) ряда ранних германских заимствований в пермские языки, причем еще на прапермском языковом этапе (исследованы Й. Койвулехто), наличие в прибалтийско-финских языках иранских заимствований, которые невозможно объяснить иначе, как воспринятые на территории центральной России. Естественно думать, что и балтийские контакты должны были происходить несколько восточнее, чем Прибалтика. К этому можно добавить, что такой подход естествен в общем финно-угорском ареальном контексте. К сожалению, в силу особенностей формата диссертации, которая представляет собой не единый текст, а серию статей, этноисторические выводы даются отдельно к каждой статье, поэтому в них не всегда хватает четкости и последовательности.

Исследование Янне Саарикиви опирается, с одной стороны, на современное финно-угроведение, с другой – на современную ономастику. При этом и та, и другая наука получили в работе дальнейшее развитие. В области ономастики обогатилась методика исследования субстратных топонимов, в финно-угроведении не только предложены новые взгляды на этническую историю архангельского региона и сделана попытка вписать его по-новому в об-

щий саамский и прибалтийско-финский контекст, но и рассмотрены принципиально важные с учетом накопления новых данных проблемы времени и места формирования прибалтийско-финской и саамской языковой общности. Еще раз доказан большой потенциал топонимики – при условии знания, использования и творческого развития ее методики – для решения этно-исторических задач.

И. И. Муллонен, докт. филол. наук,
директор Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН (Петрозаводск)

Дьёни Г. Протовенгры на Урале в первом тысячелетии нашей эры в российской и венгерской историографии: Дис. на соиск. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2007. 254 с.

Выбор темы свидетельствует не только о большой любви молодого венгерского ученого к истории своей Родины, но и о его похвальной смелости, поскольку в этом случае историография и источниковедение теснейшим образом связаны с проблемами этногенеза и древнейшей истории венгров, а в истории средневековой Европы трудно найти более темный и запутанный вопрос. Перед нами твердо установленный факт: финно-угорский народ совершил беспримерный переход с Урала на Дунай и оказался в окружении индоевропейских этносов, но обстоятельства этого до сих пор остаются тайной.

Проблема венгерского этногенеза волнует многих. Естествен интерес самих венгров, но не удивляет и внимание к этой проблеме российских ученых, особенно уральских. Обе традиции – венгерская и российская – имеют свою историю и достигли определенных успехов, однако их взаимодействие по многим причинам было ограничено, а это не могло не отразиться и на решении проблемы в целом. Сказанное в равной мере относится как к собственно историческим, так и лингвистическим аспектам исследования.

Г. Дьёни поставил перед собой сложную задачу объединить эти две традиции, сделать их общим достоянием, в меру возможности оценить и тем самым создать условия для дальнейших результативных поисков.

Соискатель последовательно рассматривает письменные источники, имеющие отношение к проблеме, начиная с ранних хроник, и трезво отделяет крупницы истины от нагромождений вымыслов. Эта объективность сохраняется и при анализе научных взглядов венгерских и российских ученых прошлого и настоящего. Как и должно быть в работах такого рода, диссертация хорошо документирована и наделена обширным ссылочным аппаратом. Интересны и приложения, содержащие схемы, карты и т. п. Строгая композиция, выделение узловых проблем, а также хронологический принцип изложения удачно объединяют отдельные разделы исследования.

Несомненной заслугой соискателя следует считать то, что он тщательно и скрупулезно свел воедино разнородный материал двух труднодоступных друг для друга исследовательских традиций и достаточно осторожно и умело его интерпретировал. В целом можно считать, что автор диссертации справился с поставленной задачей, впервые рассмотрев весь комплекс дошедших до нас венгерских и российских письменных источников, а также лингвистических и археологических данных о протовенграх. Возникает, однако, и ряд вопросов, связанных с тем, что исследование неизбежно выходит за рамки историографии и источниковедения в область этногенетической проблематики.